

18+

Алексей Акулинин

Будни HR

Эгрегор хрюкает

Алексей Акулинин

Будни HR. Эгрегор хрюкает

«Издательские решения»

Акулинин А.

Будни HR. Эгрегор хрюкает / А. Акулинин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694526-5

Семён Глухов с КАЛ 0,02% против HR-шаманов, Зульфий с польнью и эгрегора КРІ.Свиньи DDoS'ают Москва-Сити, Пиксель пишет манифест, Учредители продают ад китайцам.13 глав корпоративного апокалипсиса 2026-го. Пасека победила.

ISBN 978-5-00-694526-5

© Акулинин А.
© Издательские решения

Содержание

Будни HR: Эгрегор хрюкает	6
Мягкое вовлечение	7
Коррекция траектории	8
Офбординг	9
Зульфия	10
Леночка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Будни HR Эгрегор хрюкает

Алексей Акулинин

© Алексей Акулинин, 2026

ISBN 978-5-0069-4526-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Будни HR: Эгрегор хрюкает

Утро 25 августа 2025 года Ксения Аркадьевна Струмилина, главный специалист по управлению траекториями душ (в трудовой книжке это униженно именовалось «HR-generalist»), начала с ритуала. Не того, где девственницы и козлиная кровь, – это оставили для годового отчета и тимбилдинга топ-менеджмента, – а с будничного, почти интимного. Она открыла корпоративный портал «АкашаWorkplace 2.0» и проверила ночной срез по коэффициенту астральной лояльности.

Цифры, зеленые и красные, плясали на экране, как бесы на шабаше у Лысой горы. Зеленые – хорошо. Это значит, эгрегор бренда «РосЗапилТех» сыт, доволен и мурлычет, как гигантский невидимый кот, потираясь о шпильи Москва-Сити. Красные – плохо. Очень плохо. Это означало, что в теле корпорации завелся метафизический глист.

И сегодня глиста звали Семен Глухов, программист 1С.

Его КАЛ (коэффициент астральной лояльности) рухнул за ночь до критических 0,02%. Это был даже не протест. Это была черная дыра, сингулярность человеческого пофигизма, зияющая посреди сияющей мандалы OKR'ов третьего квартала.

Ксения Аркадьевна вздохнула. Воздух в опенспейсе был спертый, пах озоном от серверов, тихим отчаянием и ароматизатором «Горная лаванда». Она отхлебнула остывший маттялатте на кокосовом. Вкус был такой, будто Будда долго жевал бамбук, а потом сплюнул ей в чашку.

– Семен, – произнесла она в пустоту, и ее голос, натренированный на сотнях собеседований и экзит-интервью, прозвучал, как шелест приказа об увольнении.

– Ну что ж ты, Семен.

Надо было действовать. Протокол «Детокс-Сотрудник 7.3b» был ясен и неумолим, как предрассветная икота после корпоратива.

Мягкое вовлечение

Ксения Аркадьевна поплыла по вязкой трясине опенспейса к столу Глухова. Сам Глухов, сутулый мужчина с лицом, на котором экзистенциальная тоска боролась с желанием почесать нос, смотрел в монитор. Смотрел так, будто это не 1С, а бездна Ницше, и она уже не просто всматривается в него, а нагло подмигивает и предлагает ипотеку.

– Семен, доброе утро! – пропела Ксения Аркадьевна, материализуясь у его плеча. – Как настроение? Чувствуешь синергию? Потоки кэш-флоу омывают твою чакру продуктивности?

Семен вздрогнул и медленно повернул голову.

– Ксения Аркадьевна... У меня дедлайн. И баланс не сходится. Опять.

– Баланс – это гармония, Семен. Вселенная стремится к балансу. И наш эгрегор тоже. А ты, Семен, вносишь дисбаланс. Твой КАЛ... он, как бы это сказать... на полу.

Глаза Семена на секунду ожили.

– Мой кал? А вы откуда?..

– Коэффициент Астральной Лояльности, Семен. Мы же на «ты»? – она улыбнулась улыбкой, от которой у бабочек в животе случался нервный срыв. – Наш нейро-оракул «Яндекс. Ванга» показывает, что твои вибрации не совпадают с вибрациями бренда. Ты думаешь о чем-то... постороннем. О даче? О рыбалке? О смысле бытия?

Семен понурился.

– О пиве. Холодном. И чтоб домой в шесть.

Ксения Аркадьевна сочувственно цокнула языком. Классический случай. Духовная энтропия.

Коррекция траектории

– Пойдем, Семен, – она взяла его под локоть, мягко, но властно, как конвоир, ведущий на квантовый тимбилдинг. – Пройдем в комнату психологической разгрузки.

Комната разгрузки представляла собой белый куб с одним мягким креслом и экраном во всю стену. Пахло валерьянкой и жжеными дефайнами.

Ксения усадила Семена в кресло.

– Расслабься. Сейчас мы синхронизируемся.

На экране замелькали слайды: вот смеющийся гендиректор пожимает руку голограмме министра; вот счастливые сотрудники водят хоровод вокруг нового кулера; вот график роста капитализации устремляется в стратосферу под музыку Ханса Циммера. Голос из динамиков, сгенерированный по тембру матери CEO, вкрадчиво шептал: «Ты – не просто винтик. Ты – сакральная шестеренка в часовом механизме процветания. Твоя усталость – это топливо для нашего общего успеха. Твоя ипотека – священная клятва верности».

Семен ерзал.

– Ксения Аркадьевна, а можно я пойду поработаю? У меня там...

– Тихо, Семен, – прошипела она, не отрывая взгляда от его ауры на скрытом мониторе. – Идет процесс реконфигурации души. Не мешай.

Аура Глухова, тускло-серая, как носки недельной свежести, даже не дрогнула. Она лишь стала чуть более... бежевой. От отчаяния.

Протокол не сработал.

Офбординг

Ксения Аркадьевна сидела за своим столом. Перед ней лежал бланк.

«Соглашение о расторжении по согласию сторон». Это был эвфемизм. В «РосЗапилТехе» не увольняли. Здесь «выводили сущность из операционной матрицы».

Она вызвала Глухова. Он вошел, уже сломленный, готовый на все.

– Семен, – начала она тоном хирурга, сообщающего, что ампутировать придется обе ноги и чувство юмора. – Эгрегор принял решение. Твоя траектория больше не совпадает с вектором нашего развития. Мы вынуждены произвести твою утилизацию.

Семен моргнул.

– То есть?..

– Уволить, Семен. Если говорить на языке предков. Подпиши здесь, здесь и вот здесь. Это обходной лист астрального тела. Сдашь пропуск, ноутбук и остатки кармического долга.

Он молча взял ручку. Его рука дрожала. Он подписал.

Ксения Аркадьевна нажала кнопку в системе «Акаша-Workplace 2.0». Профиль Глухова стал серым, а затем растворился с тихим цифровым вздохом. Будто и не было. В ту же секунду на HeadHunter автоматически разместилась вакансия: «Требуется программист 1С. Стрессоустойчивый. С позитивными вибрациями и КАЛ от 85%. Готовность к релокации души в эгрегор бренда обязательна».

Ксения Аркадьевна откинулась на спинку кресла. Снаружи, за панорамным окном, садилось багровое солнце, похожее на перезревший томат. В опенспейсе зажужжал робот-пылесос, всасывая пыль, крошки и остатки человеческих надежд.

Она снова открыла портал. Напротив ее фамилии мигала цифра. Ее собственный КАЛ за день упал на 0,01%. От контакта с Глуховым. Токсичный элемент.

Она вздохнула и сделала еще один глоток омерзительного маття. Надо срочно идти в комнату разгрузки. Смотреть на смеющегося гендиректора.

Синхронизироваться. Ведь завтра придет новый кандидат. И ритуал начнется снова.

А баланс, как и смысл жизни, все равно никогда не сойдется. И это, пожалуй, единственная стабильная вещь в этом мире.

Зульфия

Едва цифровая душа Глухова растворилась в корпоративном эфире, роботпылесос «Скруббер-7», до этого мирно дремавший у зарядной станции, встрепенулся. Он издал тихий, вопросительный писк, его синий огонек сменился на тревожно-оранжевый, и он медленно, как хищник, пополз к опустевшему рабочему месту.

Это был ее сигнал.

В проходе, словно сотканная из вечернего сумрака и запаха хлорки, материализовалась Зульфия Хайдаровна, менеджер по гигиене пространства и обнулению кармических наслоений. В простонародье – уборщица.

Зульфия Хайдаровна была женщиной без возраста, с туго стянутым на затылке пучком седых волос и взглядом патологоанатома, уставшего удивляться причудливым причинам смерти. На ней был безупречно-синий комбинезон с вышитым лого «РосЗапилТеха» на груди. Но если у прочих сотрудников логотип выглядел как клеймо, то на Зульфии Хайдаровне он смотрелся как орден за взятие невидимого Рейхстага.

Ксения Аркадьевна почтительно встала. В негласной иерархии «РосЗапилТеха» Зульфия Хайдаровна стояла где-то между СЕО и самим эгрегором. Она была тем, кто приходит *после*. Тем, кто подчищает метафизические лужи.

– Зульфия Хайдаровна, – выдохнула Ксения. – У нас тут... офбординг. Объект номер 734, Глухов С. П.

Зульфия Хайдаровна медленно обвела взглядом стол Глухова. Она не смотрела – она сканировала. Ее ноздри чуть дрогнули, улавливая тончайшие эманации.

– Вижу, – произнесла она глухим, ровным голосом, в котором слышался скрип тысяч отмытых до блеска полов. – Опять наследили. Сильно фонит.

Она подошла ближе. «Скруббер-7» почтительно отъехал в сторону, уступая дорогу мастеру. Зульфия Хайдаровна провела пальцем в резиновой перчатке над клавиатурой. Палец не коснулся пластика, он завис в миллиметре, но Ксении показалось, что она слышит тихий треск, будто от статического электричества.

– Так... фантомная боль невыплаченной ипотеки. Липкий страх перед понедельником. Застарелые пятна тоски по отпуску. И... – она прищурилась, – ...крошки отчаяния в щелях между клавишами. Очень клейкие. Жирные. На одном пиве сидел, что ли?

– Мы предлагали ему смузи-детокс, – пискнула Ксения.

Зульфия Хайдаровна хмыкнула. Этот хмык мог бы содрать позолоту с церковного купола.

– Смузи... Этому бы водки с перцем и в баню, а не ваши смузи. Ладно, приступаем. Протокол «Чистый лист».

Она достала из своей тележки, больше похожей на алтарь на колесах, пульверизатор с мутной жидкостью. На этикетке было написано: «Раствор „СтиксУльтра“. Для удаления резистентных ментальных отпечатков». Пахло озоном, хлоркой и легким, едва уловимым оттенком забвения.

Она щедро оросила стол, стул и даже воздух вокруг. «Скруббер-7» тут же подъехал и начал всасывать оседающую астральную грязь. Его гудение сменилось на утробное, чавкающее урчание. Он пожирал остатки личности Глухова, его невысказанные проклятия в адрес IC, его мечты о холодном пиве.

– Слабые они у вас пошли, Ксения Аркадьевна, – беззлобно проговорила Зульфия Хайдаровна, протирая монитор специальной салфеткой из микрофибры, способной впитывать до трех килограммов экзистенциального ужаса. – Аура – как промокашка. Ни стержня, ни воли к сопротивлению. Раньше люди держались.

У них даже после увольнения фантомы по три дня в курилке стояли, матерились.

А сейчас что? Пшик – и нет человека. Только пятно на линолеуме.

Она работала быстро, отточенными, вековыми движениями. Каждый взмах тряпки был выверен и окончателен. Она не просто убирала – она стирала человека из физической реальности, довершая работу, начатую HR-отделом в реальности цифровой.

Закончив, она достала из кармана пучок сухой полыни и маленький, похожий на кадило, металлический сосуд. Чиркнула зажигалкой. Горький, древний дым поплыл по опенспейсу, перебивая синтетическую лаванду.

– Окуривание. Для профилактики. Чтобы зараза не расплзлась.

Она затушила полынь и убрала все обратно в свою тележку-алтарь. Рабочее место Глухова сияло первозданной чистотой. Оно было стерильно, как душа новорожденного, еще не успевшего взять первый кредит.

– Готово, – доложила Зульфия Хайдаровна. – Можете заселять нового.

Она посмотрела на Ксению своим пронзительным взглядом.

– И вот что я вам скажу, Ксения Аркадьевна. Кормите вы их лучше. Или хотя бы врите правдоподобнее. А то у меня расходники на вас не казенные. Этот Глухов почти целую салфетку ужаса впитал. Разорение.

И не дожидаясь ответа, она развернулась и бесшумно покатила свою тележку дальше по коридору, оставляя за собой лишь запах полыни и стерильной пустоты.

Ксения Аркадьевна поежилась. Внезапно ей стало очень холодно. Запах горной лаванды казался теперь невыносимо фальшивым на фоне честного, горького запаха полыни. Она посмотрела на идеально чистое место и поняла, что уже не помнит лица Семена Глухова.

Протокол был завершен. Пространство было готово принять новую жертву.

Леночка

Запах полыни, едкий и окончательный, дотек по вентиляционным шахтам до самого ресепшена – алтаря первого контакта, где вершила свое служение Леночка. Официально – офис-менеджер. Неофициально – жрица входящего потока, первая линия обороны эгрегора от внешнего мира.

Леночка была произведением корпоративного искусства. Ее улыбка была откалибрована с точностью до нанометра, чтобы выражать дружелюбие, но не фамильярность. Ее голос, отточенный на тренингах «Нейролингвистический захват клиента», мог успокоить разгневанного поставщика и одновременно дать понять курьеру, что он – пыль на ботинках мироздания. Она была идеальным интерфейсом. Безупречным био-терминалом.

Но сегодня в программе произошел сбой.

Запах полыни ударил ей в нос, и идеальный интерфейс завис на полсекунды. Внутри, за файрволом профессиональной выдержки, что-то треснуло. Это был запах конца. Запах Зульфий Хайдаровны. Запах *после*.

Она знала, что это значит. Сёма.

Их роман был нарушением всех корпоративных протоколов, всех астральных конвенций. Он был контрабандным человеческим фактором, пронесенным мимо всех сканеров лояльности. Он начался не с синергии и не с совместного штурма

KPI. Он начался с того, что Семён Глухов, проходя мимо ее алтаря, не спросил «Леночка, соедините с финотделом», а тихо сказал: «У вас глаза уставшие. Держите». И протянул ей шоколадку «Аленка». Не из корпоративного вендингового аппарата с протеиновыми батончиками, а настоящую, плебейскую, с дурацкой девочкой на обертке.

Это был теракт. Акт чистого, незамутненного человеческого внимания посреди пустыни оптимизированных бизнес-процессов.

Они встречались в «слепой зоне» – маленьком закутке у пожарной лестницы, куда почему-то не добивала всевидящая камера «Око Гендира». Там, среди огнетушителей и пыльных коробок с архивными документами, они говорили. Не о траекториях развития и не о вызовах рынка. Сёма жаловался на 1С, называя ее «проклятой шкатулкой с бухгалтерскими демонами». Леночка рассказывала про свою кошку и про то, как бесит, когда звонят с предложением «уникальных инвестиционных возможностей».

Он был ее островком аналоговой нормальности. Он единственный называл ее не «Леночка-с-ресепшена», а просто Лена. Для эгрегора это было неслыханной дерзостью. Для нее – глотком воздуха.

Она знала, что его КАЛ был низок. Она чувствовала это. Он не вибрировал в унисон с брендом. Он вибрировал в унисон с желанием дожить до пятницы. Она пыталась ему помочь. Подсовывала ему распечатки мотивирующих цитат Стива Джобса, подливала в кофе «энергетик для повышения вовлеченности» из арсенала Ксении Аркадьевны. Он читал цитаты и морщился. А после энергетика у него полдня дергался глаз, что, впрочем, почти не влияло на его работу с 1С.

И вот теперь – полынь.

Леночка сидела за своим идеальным столом, и ее идеальная улыбка казалась приклеенной к лицу. Внутри нее разрасталась пустота, холодная и чистая, как стол после визита Зульфий Хайдаровны. Она чувствовала фантомную вибрацию в кармане, где больше никогда не появится сообщение от «Сёма-1С»: «Выходим на лестницу через 5 мин? Принес сырок».

Раздался звонок. На дисплее высветилось: «Потенциальный VIP-клиент».

Леночка вдохнула кондиционированный воздух с ароматом «Альпийский эдельвейс», который теперь безвозвратно был отравлен нотками полыни. Она нажала кнопку ответа.

– «РосЗапилТех», Елена, добрый день! – произнесла она.

Голос был безупречен. Нейролингвистический скальпель, острый и холодный. Ни одна мышца на лице не дрогнула. Улыбка оставалась на месте, как посмертная маска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.